

– Благородные дамы, мне кажется, что, после того как вы выслушали этот правдивый рассказ, ни одна из вас не решится приютить у себя в доме странствующего монаха. Вы ведь знаете, что страшнее всего бывает то зло, которое ото всех скрыто.

– Да, но до чего же был глуп муж, если он пригласил такого пройдоху ужинать в ту самую комнату, где лежала его жена, женщина безупречной частности и к тому же красавица, – сказал Ирман.

– В мое время, – сказал Жебюрон, – для святых отцов отводили комнату в каждом доме. Но теперь зато все так хорошо изучили их повадки, что боятся их едва ли не больше, чем бродяг с большой дороги.

– Мне думается, – сказала Парламента, – что если женщина лежит в постели, она ни в коем случае не должна пускать к себе в спальню священника, разве только для приема причастия. Уж если я, например, позову духовника, то знайте, что я при смерти.

– Если бы все остальные женщины были так суровы, как вы, – сказала Эннасюита, – то священникам грозило бы несчастье похуже, чем отлучение от церкви, – они потеряли бы право лицезреть женщин.

– Не бойтесь, – сказал Сафредан, – они за себя умеют постоять.

– Подумать только, – воскликнул Симонто, – они соединяют нас с женщинами узами брака, а потом коварством своим вынуждают нарушить обет, который сами же заставили дать!

– Приходится сожалеть, – сказала Уазиль, – что те, кому доверено совершение таинств, превращают это святое дело в забаву, за что их надо было бы сжигать живьем.

– Вам следовало бы не поносить их, а хвалить, – сказал Сафредан, – ведь в их власти сжигать людей на огне и бесчестить. Поэтому *sinite eos*,³²⁹ и посмотрим лучше, кому предоставит слово Уазиль.

Все нашли, что Сафредан прав, и, перестав говорить о духовных лицах, попросили госпожу Уазиль передать кому-нибудь слово.

– Я передаю его Дагусену, – сказала она, – он погрузился в такую задумчивость, что, должно быть, собирается рассказать нам что-то интересное.

– Хоть я не могу и не смею высказать все, что думаю, – ответил Дагусен, – я все-таки расскажу вам об одном человеке, которому жестокость принесла сначала вред, а потом пользу. Несмотря на то, что любовь, когда она Сильна и могущественна, так уверена в себе, что хочет остаться ничем не прикрытой и для нее мучительно и даже непереносимо прятаться и скрываться, с теми, кто слушал ее советы и действовал чересчур открыто, нередко приключались различные беды, как это и было с одним испанским дворянином, о котором вы сейчас услышите.

Новелла двадцать четвертая

Элизор с излишней откровенностью признается в любви королеве Кастильской, и она подвергает его жестокому испытанию, от которого он вначале страдает, а впоследствии только выигрывает.

При дворе короля и королевы Кастильских, имена которых я не стану называть, находился некий дворянин, и во всей Испании никто не мог сравниться с ним в благородстве и красоте. Все дивились его достоинствам, но еще того больше дивились его странному образу жизни, ибо никто никогда не видел, чтобы он ухаживал за какой-нибудь дамой. При дворе было немало красавиц, которые могли воспламенить даже лед, но ни одна из них не могла овладеть сердцем этого дворянина, имя которого было Элизор.

Хотя королева и была женщиной добродетельной, однако и она оказалась не чуждой тому огню, который, чем более скрыт, тем сильнее разгорается. И чем больше она приглядывалась к этому дворянину и видела его полнейшее равнодушие к женщинам, тем больше ее это удивляло. И как-то раз она спросила его, не означает ли это, что любовь действительно не находит себе места в

---

³²⁹ Оставьте их в покое (*лат.*)